

Пьесу можно критиковать, но у нее есть главное свойство: заражать интересом к этой теме. Скажу, что и артисты очень близко восприняли эту тему в целом и каждый – своего героя. В период репетиций они читали их биографии и множество трудов. Загорались этим, рассказывали друг другу прочитанное и подолгу обсуждали.

Более того, я знаю множество примеров, когда простые зрители однажды посмотрев спектакль, увлеклись: кто – Бакуниным, кто – Белинским, Герценом, Станкевичем и другими, раздобыли всевозможные их книги и проштудировали «от и до».

«Практическая польза искусства, я в неё верю», – как говорит Тургенев в «Береге Утопии».

Корнилов С. Г. Спасибо, Елена! (Аплодисменты). Слово предоставляется Вадиму Валерьевичу Дамье^α. Пожалуйста!

Дамье В. В. Спасибо! Тема моего доклада: «**Анархизм и рабочая культура**»^β. Между различными организациями трудящихся (профсоюзами, кооперативами, союзами взаимопомощи, культурными и образовательными группами и др.) сложилось своеобразное разделение функций, но в совокупности они дополняли друг друга, образуя самостоятельную рабочую культуру. «Зрелое XX столетие, – писал в этой связи итальянский социолог Марко Ревелли, – сформировалось в ходе борьбы не на жизнь, а на смерть между процессом социализации политического универсума *снизу* и процессом стабилизации общества *сверху*. Субъектами первого процесса были подчиненные классы, которые пытались отстоять как “отдельный мир” вне государственности свою собственную независимую социальность, основанную на ассоциации, солидарности и взаимопомощи. При этом они создавали собственные правовые формы, сплоченную сеть федеративных соглашений и публичных, не государственных “актов”. Второй [процесс. – В. Д.] был направлен на интеграцию масс в государство [...] посредством бюрократической “рационализации” и нейтрализации конфликта с целью передать “государственному аппарату” монополию на “общественно значимые” связи»¹.

Действительно, вплоть до середины XX столетия рабочая культура являлась не просто одним из элементов гражданского общества, но и воспринимала себя как альтернативу существующему социуму, своего рода «предвосхищение» иного общественного устройства. Там, где она по тем или иным причинам была менее интегрирована в господствующие властно-политические отношения, она демонстрировала сильные тенденции к превращению в своего рода параллельное «контр-общество», которое охватывало жизнь человека с момента рождения и до самой его смерти. Так, даже в межвоенной Финляндии, где рабочее движение находилось под контролем весьма умеренных социал-демократов, но над трудящимися довлело поражение в жестокой гражданской войне 1918 г., существовала «отдельная от

^α Дискуссия после доклада Е. Иванковой не была записана по техническим причинам.

^β Доклад приводится не по стенограмме, а по тексту, предоставленному автором.

¹ Revelli M. Der Sozialstaat in den Brennesseln // Aktion. 1994. Nr. 113/119. S. 1932.

буржуазных организаций и все охватывающая сеть организаций рабочих. В 1920-х гг. рабочие не только голосовали за свои партии, [но и] показывали пьесы, читали книги, занимались музыкой, покупали потребительские товары и депонировали деньги в своих отдельных предприятиях и организациях», – замечал финский социолог Ристо Алапуру².

Еще сильнее эта тенденция была выражена в синдикалистском и анархистском рабочем движении. «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ) на западном побережье США в начале XX в. объединяли своих членов (преимущественно иммигрантов, не имеющих постоянной занятости) в территориальные межпрофессиональные организации – «локалы», которые становились также центром общественной, культурной и интеллектуальной жизни. «Соединяя искусство и политику, западные группы ИРМ устраивали представления, сочиняли поэмы, песни, рисовали», пытаясь «анализировать мир с точки зрения рабочего класса», и «создали богатую культуру единства и разнообразия»³.

В Испании или Аргентине дети трудящихся учились в либертарных школах; начав работать – вступали в анархо-синдикалистский профсоюз; проводили свободное время в культурных центрах, центрах самообразования, библиотеках, на театральные спектаклях или в кафе, созданных их движением; вместе с соседями-рабочими закупали продукты питания и вместе с ними боролись с произволом домовладельцев или попытками выселения из квартир. Профсоюз помогал им оказывать давление на предпринимателей, добиваясь трудоустройства в случае безработицы.

При необходимости такое высокоорганизованное гражданское общество было способно проводить настоящие широкомасштабные акции неповиновения. Историк анархистского движения Абель Пас следующим образом характеризует «сети взаимопомощи» трудящихся в Барселоне в условиях экономического кризиса 1930-х гг.: «Безработные рабочие не получали государственной поддержки. Таковая – даже если бы Испанское государство было в состоянии ее выплачивать, а оно этого не могло – была бы даже нежелательна, поскольку снижала бы боевую революционную силу и солидарность пролетариата [...]. Первой боевой мерой, осуществленной летом 1933 г., стала стачка, в ходе которой жители отказывались платить за жилье, газ и электричество. Комитет экономической защиты НКТ и Федерации анархистов Иберии готовил эту стачку с 1931 г. Начали функционировать домовые, уличные и квартальные комитеты. Они решительно противостояли попыткам принудительного выселения [...] со стороны владельцев. Прежде всего, наготове были женщины и дети: там, где должны были осуществляться выселения, они противодействовали полиции и не давали выбрасывать съемщиков из их квартир.

Эти женские и детские комитеты выступали также с инициативой групповых походов в продовольственные магазины и “покупок взаймы” [...].

² Гражданские движения Финляндии. Сборник статей. Ювяскюля, 1990. С. 14.

³ A “Wobbly” Century // Direct Action. 2005. No. 35. P. 31.

Покупали только такие основные продукты, как картофель, макаронные изделия, масло, рис, бобы и т. д. и обещали вернуть долг – как только найдут работу [...].

В профсоюзах были образованы биржи труда [...]. Безработным указывали места, которые им следовало занять. Предприниматели вначале возражали, что не нуждаются в работниках, и выбрасывали ищущих работу с фабрик. Но безработные садились у ворот фирм и проводили там целую неделю, по восемь часов в день. Когда в субботу должна была выплачиваться зарплата, они вставали в очередь рабочих и при их защите добивались выплаты им зарплаты за их “сидячую работу”. В конце концов, буржуа уплачивали им их еженедельный оклад и говорили, чтобы те больше не попадались на глаза. Так оно и было – в следующий раз приходили уже не они, а другие рабочие.

Параллельно с этой борьбой проводил акцию “профсоюз безработных”. Он посоветовал рабочим группами отправляться в рестораны и просто обедать там бесплатно [...].

Общей целью всех этих действий была всеобщая и постоянная мобилизация масс на основе всеобщей солидарности»⁴.

При этом анархо-синдикалисты выдвигали задачу не только организации помощи нуждающимся (своего рода взаимопомощи, осуществляемой явочным порядком), но и развития нового сознания. «Только [...] создавая этические ценности, способные развить в пролетариате понимание социальных проблем, независимо от буржуазной цивилизации, можно прийти к созданию неразрушимых основ антикапиталистической и антимарксистской революции [...], которая разрушит режим крупной индустрии и финансовых, промышленных и торговых трестов», – полагал теоретик аргентинской ФОРА Эмилио Лопес Аранго⁵. В ходе забастовок, организовывавшихся анархистами и синдикалистами, нередко выдвигались не только чисто экономические, но и более «широкие» общественные требования. Так, во время стачки рабочих пекарен в Барселоне в 1923 г. бастующие требовали не повышения зарплаты, а улучшения качества хлеба⁶.

Действительно, анархо-синдикалистское рабочее движение воспринимало себя как носителя новой цивилизации, кардинально отличающейся от существующей, индустриально-капиталистической. При этом оно формировало самостоятельную идентичность, вплоть до таких характерных черт, как выработка собственных символов и иконографии, бытовых и похоронных ритуалов, праздников и песен, мифов, имен и даже пантеона героев и мучеников.

Ситуация изменилась с переходом к «массовому» обществу. Размывание прежних социальных групп и стратификация преимущественно на основе критерия размера получаемых доходов знаменовали собой переход к новой модели фрагментированного и неструктурированного, так называемого

⁴ Paz A. Durruti. *Leben und Tode des spanischen Anarchisten*. Hamburg, 1993. S. 301 – 302.

⁵ Lopez Arango A., *Abad de Santillan D. El anarquismo en el movimiento obrero*. Barcelona, 1925. P. 118 – 119.

⁶ Die Internationale. 1924. Nr. 1. S. 20 – 24; 1925. Nr. 5. S. 158 – 160.

«массового общества», которое состоит из отдельных, конкурирующих друг с другом на рынке индивидов⁷.

Прежнее радикально настроенное рабочее движение со своим этосом и системой ценностей, основанной на противопоставлении ценностям индустриально-капиталистического общества, уступило место (не без ожесточенного сопротивления, которое привело к острым конфликтам и подавлению революционных союзов трудящихся в Аргентине, Испании, США и др. странах)⁸ крупным бюрократическим профсоюзам, организованным по тем же принципам, что и капиталистические корпорации, в значительной степени лишенным собственного лица и ограничивающимся выступлениями за повышение заработной платы.

Анархизм, потерпевший поражение в борьбе с диктатурами, а затем оттесненный на обочину социально-политической моделью «социального государства», с 1940-х гг. уже не мог опираться на массовую рабочую социальную базу со своей собственной культурой. Когда он снова начал обретать популярность (со второй половины 80-х гг. XX века), это происходило уже в иных условиях атомизированного социума. Анархисты искали поддержки в субкультурах, по существу отказавшись от борьбы за культурную гегемонию в обществе в целом. И это обрекало и продолжает обречать анархизм на слабость, потому что успеха добиваются только те идеи, которые не «мирятся» с ролью одной из духовных сил (наряду с другими), но именно претендуют на целостную картину мира, на гегемонию, на «альтернативность» по отношению к господствующей модели. До тех пор, пока анархизм не выйдет из этого состояния, он будет обречен на маргинальность. Отсюда – задача для анархистского движения: попытаться содействовать «восстановлению» общества снизу, развивая начала солидарности, взаимопомощи и неиерархического взаимодействия на основе самоуправления в ходе борьбы за повседневные нужды, проблемы и интересы людей (так, как это пытается делать анархо-синдикализм). Только таким путем, таким способом анархизм может рассчитывать в будущем снова обрести массовую базу и стать основой нового общества, строящегося на совершенно иных ценностях.

Корнилов С. Г. Спасибо, Вадим! (Аплодисменты). Есть ли вопросы? Пожалуйста!

Далее следуют дебаты по докладу Вадима Дамье^α, переходящие в дискуссию о том, насколько искусство может быть «актуальным», а художник – «партийным». Ведущая дискуссии: Ирина Федотова

⁷ См.: Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.

⁸ Так, крупнейшие анархо-синдикалистские союзы были разгромлены правительственными репрессиями: в Италии – после установления фашистской диктатуры Бенито Муссолини в 1922 г., в Португалии – при диктатуре Антониу Салазара в 1920-х – 1930-х гг., в Аргентине – военным правительством генерала Урибуру после 1930 г., в Испании – при франкистском режиме после 1939 г. и т. д.

^α Дискуссия по докладу В. В. Дамье по техническим причинам была записана не с начала.